

Пятачков Ю.С.

ФИЛОСОФИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

ГУО «Средняя школа № 6 города Минска», Минск

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск

Анализ поэтического текста – один из самых сложных, он даётся не каждому
В.В. Кожин.

Поэтическое искусство по сей день остаётся одним из самых непрочитанных и не в полной мере ещё понимаемых высоких откровений. И это, несмотря на всю кажущуюся простоту, открытость и доступность последнего. Конечно же, простота эта совсем не та, какой она нам представляется, ведь это гениальная простота о Совершенном и Идеальном. Представление о них мы всё более и более утрачиваем, стирая тем самым какую-то весьма важную, столь насущную живую нить проведения, открываемого взыскательному читателю. И речь в нашей работе пойдёт о том, как же приблизиться максимально близко к пониманию авторского образа мысли, притом, самому не оставшись глухим к нему.

Это часто бывает, когда путь чрезвычайно тернист и необычен одновременно. Вот здесь вся квинтэссенция великой проблемы и коренится. Будучи синтетическим самим по себе (*напевность + ритмика (Г.А. Шенгели, А.С. Карпов) + метрика (В.М. Жирмунский) + строфика (Б.В. Томашевский, В.А. Никонов) + мелодика, или эвфония стиха (Б.М. Эйхенбаум) + глубина и пронизательность бьющейся в стихе мысли*), поэтическое искусство, или лирика, требуют от читателя полной концентрации всех сил, напряжения всех органов чувств, невероятной впечатлительности и обострённой созерцательности. При этом непрестанно думающей и вопрошающей головы, известных «кусочков фантазии». Тогда только на подступах к великому синтетическому искусству, каким является лирика, можно будет словно ненароком взойти к нему и не испугаться. Прежде всего, перед нами всегда усложнённый, порой тяжеловесный, словно намеренно труднопроходимый лес изобразительно-выразительных средств (ИВС), намёков, подсказок, умолчаний, необходимых художественно-стилистических приёмов, с помощью которых Поэт как водитель Муз, не представляя о том, сообщает о вроде бы понятном и доступном каждому из нас. «...*Так гений радостно трепещет, / Свое величье познаёт, / Когда пред ним гремит и блещет / Иного гения полёт; / Его воскреснувшая сила / Мгновенно зреет для чудес... / И миру новые светила — / Дела избранника небес!*» – утверждает Н.М. Языков (1803 – 1846) в стихотворении «Гений» (1825).

Кажется же, поэт уводит нас в сторону и не в лишний раз озадачивает. А здесь необходимо поразмыслить, перечитать, проговорить и соответственно

рассказываемому продекламировать¹ текст. С тем, чтобы ухо услышало – и проняло, а сердце забилося сильнее – и ещё более от накала выраженных в этом таком малом явило необходимую вселенную, всегда открываемую как бы невзначай. Но оттого всякий раз она столь привлекательна для истинного путешественника, профессионального собеседника и мастера, слушая, слышать авторский голос.

Напомним, что сам термин «ЛИРИКА», раз и навсегда связавший живопись словом и образами в музыкальной пучине чувств, был создан *во времена александрийских филологов* с целью непосредственно отойти от «ПЕСНИ» (МЕЛИКИ). Так что исходная традиция исполнения песен под музыкальный аккомпанемент струнного инструмента, прежде всего *семиструнной лиры*, жива и по сей день. Считается, что его изобретение – заслуга бога Гермеса², которому мы обязаны при этом и рождением специальной науки об интерпретации и понимании текстов-кодов под названием герменевтика.

Поэзия (от древнегреческого – *творчество, сотворение*) – это всегда или долгий столь необходимый крик о своём личном, недавно пережитом, или тоска и тихая грусть о том, что всё уже прошло, или уже невозвратно. Так было, например, в античности в связи с революционным движением закабаленного крестьянства против родовой аристократии в 7 – 6 вв. до н.э. Благодаря ему поэтическая струя вышла на ведущие позиции после эпоса. Даже великий афинский законодатель Солон излагал свои реформы в стихах и в стихах же полемизировал с противниками. А смелый и дерзновенный Архилох (середина 7 в. до н.э.), сегодня известный как «отец поэзии», внёс в неё ярко выраженный субъективный момент. И это всё в период становления собственно античного государства. Великая эпоха со всеми её историческими парадоксами рождает ответные парадоксы в лице своих ярчайших глашатаев. Уже в XX веке один из прекрасных теоретиков имагинизма *В.Г. Шершеневич (1893 – 1942)* вполне категорично заявит в своей работе, манифестирующей « $2 \times 2 = 5$ », что «...революция в жизни – скачок идей. Революция в искусстве – прыжок методов. В эпоху революций искусство переживает свою реакцию, ибо из свободного оно делается агитационным, государственным. Революционеры в искусстве очень редко бывают политически революционны. Вагнеры – исключение. Житейские революционеры еще реже способны понимать революцию в искусстве. Обычно они носители мракобесия и реставрации в искусстве (Фриче). Искусство и быт в революционном значении – два непересекающихся круга... Если театр уходит вперед жизни лет на пять, то поэзия – лет на десять. *Искусство, не протестующее и не созидющее, а*

¹ Декламация (лат. – упражнение в ораторском искусстве) – искусство выразительного, художественного чтения.

² Гермес, известен в Древнем Риме как Меркурий (от лат. Mercurius) — бог торговли, прибыли, разумности, ловкости и красноречия, дающий богатство и доход в торговле, бог атлетов. Покровитель глашатаев, послов, пастухов и путников; покровитель магии, алхимии и астрологии. Посланник богов и проводник душ умерших (отсюда прозвище Психопомп — проводник душ) в подземное царство Аида. Изобрёл меры, числа, азбуку и обучил людей.

констатирующее – не искусство... Поэт – это точный математик и только он знает точное значение a и b . Поэт – писание – стихотворение – чтение – поэт...» [4]. Вот эта невероятная конструктивность одного поэтического произведения налагает на него ряд смыслов, преимущественно сконденсированных таким образом, чтобы извлечение каждого из них принуждало ответную творческую реакцию. Покажем на конкретных примерах.

Перед нами такие зашифрованные шедевры, как тютчевская медитация «*Silentium!*» (1830), пушкинская миниатюра «Движение» (1825) и стихотворение-предостережение М.Ю. Лермонтова «Предсказание» (1830). Каждое из них на фоне друг друга возвышается своим не подвластным, на первый взгляд, величественным зданием, каким-то непостижимым и закрытым. Однако в целом круг вопросов, поднимаемых в них великими мастерами, вполне закономерен и порой непредсказуем. Среди них: движение – основа жизни, невозможность абсолютно достоверного выражения в слове человеческой мысли и грозное предостережение царям о том, что скоро корона упадёт, следствием чему будет явление ужасного «мощного человека» с булатным ножом. Так, мы увидим, что поэтическое произведение как художественная целостность может выступать как философия в миниатюре, без излишеств, без особого риторического налёта, хотя иногда и просвечивающего туманностью изложения, на наш взгляд, образуемого из-за неразрешённого в полной мере декламационного момента. В какой тональности прочитать, как и что выделить интонационно, как голосово вытянуть мысль и научиться слышать её? Собственно выделенные вне текстуального контекста эти проблемы кажутся вполне понятными и достижимыми, вроде как не содержащими особых претензий на нечто неведомое, новое, скрывающее в себе иные смыслы. Стоит обратиться к текстам, как всё тут же меняется – и вполне повседневные вопросы вырастают до уровня философических дилемм: Почему? Как? Зачем? Первый русский национальный поэт возвращает нас к древнему рассказу о споре Зенона из Элеи с циником Антисфеном о движении. Причём это не столько изложение его, сколько данная автором собственная позиция-возражение на известное „доказательство действием“. Согласно ей, говорит поэт, необходимо изучать жизнь и окружающую нас действительность до мельчайших мелочей и не упрямиться, если не получается, а продвигаться всё далее и далее. *«Движенья нет, сказал мудрец брадатый. / Другой смолчал и стал пред ним ходить. / Сильнее бы не мог он возразить; / Хвалили все ответ замысловатый. / Но, господа, забавный случай сей / Другой пример на память мне приводит: / Ведь каждый день пред нами солнце ходит, / Однако ж прав упрямый Галилей»* [3, с. 215].

Это, как мы понимаем, более чем ответ на конкретный спор, это чётко выраженная твёрдая философская позиция человека и философа, любящего эту жизнь и отдающего ей сполна. То же самое находим у великого русского «поэта мысли», в трёх строфах, внутри самих себя группирующихся секстинами, нашедшего для нас чёткую формулу-сентенцию проблемы: *«Мысль изречённая есть ложь»*. Другое же дело – гениальный поэт

мистического толка М.Ю. Лермонтов. В своей пророческой медитации он достигает грандиозного рывка вперёд, сумев точно и ясно проанализировать происходящие в стране события, прийти к выводу о том, что *«Настанет год, России чёрный год, / Когда царей корона упадёт; / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь ...¹»* [2, с. 69 – 70]. Так, в эксплицитном ряде исследуемых здесь вопросов мы можем выделить целый регистр философских задач и попыток их решения, даже вне связи их с описываемым. Мы имплицитно улавливаем, что эти поэтические сокровищницы – программные сочинения в складывании личной позиции каждого из авторов на жизнь, на природу, на человека и на его место в мировом едином целом.

Таким образом, вся жизнь, с её сочными переливами разнообразных настроений, отдохновений, улыбок, плачей, радостей и горестей пронесется перед нами в течение нескольких минут, превращаемых силою этой высоты искусства в великое мгновение. Оно столь подвижное, хоть и остановившееся с тем, чтобы отойти ото всего насущного, задуматься и понять, что это происходящее всё же означает. Так, отдельно взятый поэтический текст рождает в опытном слышащем и слушающем читателе незаурядного мыслителя, понуждая его мыслить, работать, достигать, открывать, идти непроторёнными тропами, даже ошибаясь, но идти и прозревать кажущееся неведомым, открывая, делать своё маленькое откровение и быть человеком по призванию, а не по понуждению общества. В этой связи вполне закономерно заключить нашу работу метко схваченной *Н.В. Гоголем, «поэтом жизни действительной»*, мыслью о самой проблеме стихотворчества и поэзии самой по себе. Она таится в талантливости и особенной подготовленности публичного декламатора: *«...Прочесть как следует произведение лирическое — вовсе не безделица: для этого нужно долго его изучать; нужно разделить искренно с поэтом высокое ощущение, наполнявшее его душу; нужно душою и сердцем почувствовать всякое слово его — и тогда уже выступить на публичное чтение...»²* [1].

Литература

1. Гоголь, Н.В. Нужно любить Россию (статьи «Чтения русских поэтов перед публикою», «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность» из «Выбранных мест из переписки с друзьями») / Сост., предисл. и коммент. В.А. Воропаева. / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 672 с.

2. Лермонтов, М.Ю. Стихотворения / Сост. Н.П. Ходюшиной; Вступ. статья А.И. Журавлёвой. — М.: Эллис Лак 2000, 2004. — 320 с.

¹ Известно, что стихотворение Лермонтова «Предсказание» (с припиской «Это мечта») было написано под впечатлением от многочисленных крестьянских восстаний 1830 года, которые особенно участились в связи с распространением в ряде губерний эпидемии холеры.

² «...Нам нужно обратиться к нашим поэтам, к тем высоким произведениям стихотворным, которые у них долго обдумывались и обрабатывались в голове, над которыми и чтец должен поработать долго...» (Гоголь).

3. Пушкин, А.С. Сочинения. Том первый. Государственное издательство художественной литературы, М., 1957. – 512 с.

4. Шершеневич, В.Г. $2 \times 2 = 5$. Листы имажиниста. Шершеневич В.Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль, Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996.

Piatachkov Y.S.

PHILOSOPHY OF THE NINETEENTH CENTURY RUSSIAN POETRY

State educational establishment «School number 6 of Minsk», Minsk

Byelorussian State Pedagogical University named after Maksim Tank, Minsk

Summary

This article deals with philosophical and meditative features of poetic art galleries public words. Shows that a single poetic artistic text is condensed together thought-response to the feelings of the soul in an elegant setting. However, it is a boundless sea is not disclosed even more meanings. It is proved that the material specific historical-cultural era of the artistic text is understood from the perspective of intellectual revelations of this era. And the same text in the context of a different era as is not read even the deepest Foundation of philosophical and meditative meanings.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ